о Кипре как о родине Феодоры.[40] Примечательно, что в 1684 г. в Посольский приказ Московского государства были переданы из Верхней типографии два экземпляра «Церковной истории» Никифора Каллиста: одно 1558 г., другое 1630 г.; еще в XVI в. этим сочинением в Москве пользовались Максим Грек и Курбский.[41]

Наиболее важно определить, к какому времени относятся военные события, описываемые в сказании и связываемые с осадой крепости Кирнеи. С первых же строк, посвященных этим событиям, нам ясно, что речь идет не о «чудесном испытании» стойкости христианского воинства перед напором «нечистых» вражеских полчищ, подобно сказанию «О приходе турского и сорочинов на Кипрский остров». Здесь действуют «люди» и «гражане», слышится звон боевых «набатов», перечисляются реальные тяготы: «...теперь у нас в городе и людей мало, на выласках побиты, а иные з голоду и с осадного сидения померли». И стоило только обнаружиться коварству противника, обманным путем проникшего в крепость, как сами ее защитники, без «чудесного» вмешательства провидения, «повеле по набатом ударити, и турок всех побили», после чего по заслугам расправились с воеводой. Противник называется в сказании «турской», «турской воевода», а его воины — «турки». Упоминается и «турской царь». Здесь мы не встречаемся, таким образом, с эпитетами «поганые», «безбожные турки», «сопостаты», щедро рассыпанными в том же сказании «О приходе турского и сорочинов на Кипрский остров». Несколько удивляет наименование «турской царь», а не «турской салтан».

Обратим внимание на известие, что «На острове поимал турской многие городы». Приведенное место сказания определенно указывает на события периода осады острова Кипра турками (с апреля до поздней осени 1570 г.). Нам неизвестны другие случаи подобного нападения турок на целый ряд кипрских городов. Эти события были отмечены героической борьбой населения острова. О них сообщается в турецких, итальянских и других западных источниках.[42] Однако известия об этих событиях в русской письменности как будто бы весьма немногочисленны. Отмечалось уже выше сообщение русского посла И. П. Новосильцева.[43] Назывался и цитировался перевод Хронографа Иерофея, относящийся к третьей четверти XVII в. Весьма возможно, что в дальнейшем будут обнаружены и более ранние русские источники по этому вопросу. Наиболее раннее из дошедших до нас известий о Кипрской войне в русских источниках — от 1 августа 1570 г. — встречается в донесениях, поступавших к московскому послу в Крыму Афанасию Нагому: «[1570] Августа в 1 д. Офонасию и Федору и Ивану и Микифору сказали Собаня Резанов да Нагай Сеундюков, да Бигил деи Разгозин, приехал деи изо Царягорода ко царевичу в Крым Турчанин Маамет, и сказал деи царю, что турского рати под Кимырзом городом многих людей побили» (Несколько раньше, в марте 1570 г., Афанасию Нагому сообщили, что «посылает де турской под Кимырзь рать свою на весну»).[44]

---

[40] Nicephori Callisti Xantopuli. Ecclesiasticae Historiae, t. III. — In: J. P. Migne, Patrologia Graeca, t. 147. Paris, 1865, lib. XVI, cap. XXXVII.

[41] А. И. Соболевский. Переводная литература Руси XIV—XVII вв., стр. 86, 264, 281. Ср. также: С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, стр. 75, 78.

[42] Перечень источников по истории Кипрской войны см. в кн.: G. Hill. A History of Cyprus, vol. III, стр. 1149—1155. В этом перечне не приведен Хронограф Иерофея, цитированный нами выше.

[43] Путешествия русских послов XVI—XVII вв. ..., стр. 87—88.

[44] ЦГАДА, ф. 123, Крымская посольская книга № 13, л. 285 об.; Крымская посольская книга № 14, л. 6. В мае 1570 г. Афанасию Нагому доносили: «А турской деи